

С.В. Новиков, д.и.н., профессор ОмГАУ

**Мятеж, которого не могло не быть.
О событиях в Сибири в 1920 -1921 гг.**

Сибирская история волнует читателей. Одной из ее страниц стал Ишимско-Петропавловский мятеж 1921 года. Как это было? Думается, что это было продолжением гражданской войны. Недовольство крестьян продразверсткой, работа контрреволюционного подполья, тысячи бывших белогвардейцев в тайге. Все вместе сделало мятеж неизбежной трагедией сибирского крестьянства – класса, который не мог победить при любом исходе событий.

Форсированным маршем красная кавалерия шла к Варшаве. Клонилась к закату звезда генерала Врангеля. Сибирь, пережившая чехарду демократических правительств и диктатуру Колчака, вновь стала советской. Победила власть, за которую оружием проголосовала основная масса сибирского крестьянства.

Истерзанному войной, истощенному продразверстками, пережившему засуху центру, был нужен хлеб.

20 июня 1920 года Совет народных комиссаров принял декрет “Об изъятии хлебных излишков в Сибири”. Губернии, подведомственные Сибпродкому, должны были с 1 августа 1920 года по 1 марта 1921 года сдать по продразверстке 110 миллионов пудов хлеба, что составляло третью часть общереспубликанского задания.

В ответ полетели тревожные телеграммы: коммунисты Сибири предупреждали, что разверстка вызовет непонимание и негативную реакцию крестьянства, всколыхнет анархизм и партизанщину. Окончание военных действий в Крыму и на польском фронте ситуацию не изменило. Стране был нужен хлеб. Прежняя форма взаимоотношений пролетарской диктатуры и крестьянства исчерпала себя. Казалось, что в партии большевиков это понимали. Нужны были новые методы взаимоотношений, их отсутствие ставило под удар союз рабочих и крестьян, имевший место в период гражданской войны. Сегодня хождение получила версия, по которой эти новые методы были предложены Л. Д. Троцким осенью 1920 года и являли собой прообраз нэпа. С данной точкой зрения можно было бы согласиться, но обратимся к В. И. Ленину. Выступая на собрании большевистской фракции 8

съезда Советов 30 декабря 1920 года, он говорил: “Анализируя текущий момент, мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде. Демобилизация армии, конец войны, возможность гораздо более длительной мирной передышки, чем прежде, более прочного перехода с военного фронта на трудовой фронт. От этого, только от этого, изменяются отношения класса пролетариата к классу крестьянства. Как изменяются? К этому надо внимательно присмотреться, а из ваших тезисов (профтезисы Троцкого, Бухарина - С. Н.) этого не выходит”.

Шла тревожная зима 1920–1921 года. В таежных просторах Тобольской, Омской, Алтайской, Томской губерний хозяйничали отряды недобитых белогвардейцев. Это были не только мелкие группы. В конце 1920 года на реке Кеть, близ Максимкина Яра коммунисты Нарымского края разбили отряд колчаковского полковника Олиферова в 900 штыков, занимающийся бандитизмом. Факт для этого времени неединичный.

Своеобразная ситуация сложилась в деле советского строительства и продразверстки. К признанию советской системы в годы гражданской войны крестьяне шли различными путями. В. Брун, вспоминая свое участие в партизанском движении 1919–1920 годов, указывал, что в октябре 1919 года в Илимске был созван краевой Военно-революционный съезд представителей партизанских отрядов и населения. Высшей властью в крае как военной, так и гражданской стал избранный съездом краевой Военно-революционный совет, руководящий жизнью свободных от диктатуры Колчака территорий. С целью правильного снабжения партизанских фронтов всем необходимым Баерский волостной съезд принял постановление о необходимости провести разверстку населения по волостям на хлеб и на скот. Для проведения в жизнь такого постановления была избрана комиссия из крестьян, которая должна была представить в революционный штаб готовые ведомости: сколько с какого села причитается разверстки. В более крупных селах были созданы ссыпные пункты, организованы обозы.

В конце войны положение изменилось. В. Брун рассказывает, что с приходом к власти Иркутского ревкома, заменившего политцентр, представители краевого Военно-революционного совета передали ему власть. Для членов РВС подобная передача означала признание

сложившейся в центре советской системы, дела они передавали членам собственной партии. Иначе это выглядело для крестьян: власть, избранная ими в ходе борьбы, оказывалась в руках “чужаков”. Нарушался принцип народного верховенства. Изменилось отношение к продразверстке. Из собираемого ранее хлеба для отца, брата, сына, сражавшихся где-то рядом, она превратилась в принудительную поставку хлеба в центр. Подобная необходимость далеко не всегда до конца была понятна крестьянам. Сказались нежелание и неумение крестьянской массы в Сибири связать события, происходящие рядом, с жизнью страны.

Быть может, где-то здесь следует искать объяснение событиям, произошедшим через годы, когда крестьяне если не участвовали сами, то с “пониманием” относились к истреблению членов партии, под руководством которой сражались с диктатурой Колчака. Речь идет о еще не исследованном социально-психологическом аспекте в ряде причин, вызвавших повстанческое движение 1921 года. В январе в ряде уездов проходили так называемые “женские волынки”: женщины собирались у сельских Советов и требовали прекратить изъятие хлеба по продразверстке. Они задерживали подводы с хлебом, направлявшиеся в город, ссыпали хлеб в сельские амбары и кричали: “Долой продразверстку!” По всей вероятности, движение было стихийным ответом на непопулярную политику РКП /б/.

Объективно возникла ситуация, при которой старые эсеровские лозунги “свободы торговли” получили свое новое звучание. Усилилась антибольшевистская агитация под лозунгом “За Советскую власть без коммунистов”.

“Коммунисты, в большинстве случаев из жидов, задались целью уничтожить православный народ, а потом насадить еврейскую веру, потому и отбирают весь хлеб, – объясняли агитаторы. – Если коммунистов не будет, то Советская власть останется, но во главе ее станут русские люди, и тогда с нами будут торговать все иностранные государства, появится много товаров и хлеба, не будет войны”.

– А Ленин кто? – задавали вопрос крестьяне.

– Ленин – русский человек и стоит за крестьян, но он один и ничего не может сделать с засильем евреев, – отвечали агитаторы.

Союз эсеров с недавними противниками-белогвардейцами складывался на базе формально беспартийных крестьянских союзов.

Созданные в конце лета 1919 года, его оргкомитеты в Омске, Иркутске, Владивостоке не помогли Верховному правителю удержаться у власти, привлечь крестьян на свою сторону. С мая 1920 года эсеры начинают активно работать в союзах. Происходит консолидация эсеров с белогвардейским подпольем. В военной организации Красноярска, например, работали 87 офицеров.

Начало 1921 года стало временем, когда контрреволюционное подполье города, недобитые остатки колчаковцев, разбросанные по Сибири, могли выступить, рассчитывая если не на всеобщую поддержку крестьянства, то на союз с его зажиточной частью при нейтрализации малочисленной в Сибири бедняцкой прослойки. Возродился противоестественный, однажды уже не оправдавший себя, блок эсеров, крестьян, офицерства.

В ночь на 6 февраля 1921 года одновременно в ряде волостей вспыхнули восстания в Чернаковской, Викуловской, Абатской, Крутинской, Гутопутовской, Озернинской, Большесорокинской волостях. С 7 по 9 февраля мятежники захватили железнодорожную станцию Голышманово, после чего связь между Омском и Тюменью была прервана. 10 февраля разрушением железнодорожного перегона Маслянская – Мангут Омск был отрезан от Ишима. 12 февраля захватом станции Петухово – от Урала. Вывоз хлеба в центр прекратился.

13 февраля 1921 года 7 тысяч повстанцев под командованием полковника Кудрявцева частично захватили Петропавловск...

На освобожденных от коммунистов территориях объявлялась мобилизация всех мужчин от 17 до 50 лет. Организаторы мятежа при этом ставили две цели: подавить своих противников численно, создать впечатление, что противником Красной Армии является все крестьянство. “Идите смело все, от старика до последней женщины, на защиту ваших полноправных прав, – писалось в одном из воззваний к населению. – Чем больше нас будет, тем скорее мы победим. Их армия состоит из наших братьев и отцов, которые не будут в нас стрелять. А братски протянут руку”.

Воевать не хотелось, часть крестьян бежала от мобилизации в города, не захваченные мятежниками. Жестокая расправа ожидала пленных красноармейцев, отказавшихся перейти на сторону повстанцев. Так, под Курганом валенки каждого пленного были пропитаны водой,

после чего их выгнали на ночь в поле при 30-градусном сибирском морозе.

В результате различного рода организационных мер численность мятежников достигла значительной цифры. Только в Ишимском уезде действовало до 60 тысяч человек.

Имела место определенная организация военных сил. Штаб Сибирского фронта, руководивший Ишимско-Петропавловской группой повстанческих отрядов, возглавил бывший генерал царской армии Родин. Главнокомандующим Тобольской народной армией был бывший колчаковский офицер Желтовский, начальником штаба – полковник Святош, бывший адъютант чехословацкого генерала Гайды. Войсками, наступавшими на Сургут, командовал колчаковец Третьяков, казачьей “Сибирской кавалерийской дивизией” – полковник Токарев... Мелкими сельскими отрядами повстанцев командовали местные богатеи.

Политическая платформа движения наиболее полно воплотилась в деятельности мятежников Тобольска, находившегося под их властью с 20 февраля по 8 апреля 1921 года. 1 марта в статье “Основные принципы организации народной власти” выдвигался тезис о том, что в стране, где 80% населения крестьяне-хлебопашцы, истинное народовластие есть власть, избранная пахарями. По всей видимости, речь шла об отказе от заложенного в Конституции РСФСР 1918 года принципа приравнивающего 5 голосов крестьян к одному голосу рабочего. В результате среди 18 членов Тобольского “Городского крестьянского Совета” не оказалось ни одного представителя рабочих. В итоге переговоров Совета с “Временным бюро профсоюзов”, поддержавшим новую власть, представители профсоюзов получили право присутствовать в Совете с совещательным голосом. Во главе Совета встал кадет Степанов.

В Сургуте взамен упраздненных советских органов восстанавливались по образцу бывших царских учреждений продовольственная управа, полиция, суд по уставу 1864 года.

Становление новой власти проходило при работе “следственных комиссий”, расследовавших деятельность советских работников, членов их семей (если первые не были уничтожены сразу). Признанных неблагонадежными, примыкавшими к большевикам, отправляли на “покаяние”. Это означало, что комиссия постановила убить, но предварительно исповедать у попа. Убивали не оружием, а большей

частью привязывали, как дрова, на козлы и перепиливали живого человека на две части. Осужденных предварительно несколько дней держали в полураздетом виде в холодных подвалах, где люди валялись в бессознательном состоянии. Ночами их попеременно истязали, женщин насиловали. Перед тем, как перепилить, вызывали попа, который с крестом в руках читал над ними отходную. В одной деревне была захвачена жена коммуниста, которая оказалась беременной. Бандиты распоролы у несчастной живот, извлекли плод, и, когда женщина мучилась в предсмертной агонии, был вызван “батюшка”... Продолжать подобные описания можно до бесконечности. Действуя в социально чуждой, зачастую непонятной и враждебной до недавнего времени среде, бывшие колчаковские каратели из офицеров и казаков, не стесняясь, истязали и грабили любого попавшего под руку при возможности отнести его к комиссарам или их приспешникам.

В Ишимском уезде мятежниками было уничтожено 376 коммунистов и почти столько же сочувствующих и учителей. В Петропавловске жертвами террора стали 370 человек, на станции Боголюбово – 45 человек (вряд ли ячейка ВКП /б/ была столь крупной – С. Н.), в селе Суслово, в 120 верстах от Кургана, 22 арестованных полураздетыми продержали в каменной лавке при 25 градусах мороза. Утром вывели и замучили, некоторым в рот были забиты деревянные колья, а некоторым разmozжены палками головы.

12 февраля 1921 года Сибревком и Сиббюро ЦК РКП /б/ создали чрезвычайную сибирскую уполномоченную тройку, в состав которой вошли председатель Сибревкома Смирнов, председатель СибЧК Ноздричев, помглавкома по Сибири Шорин. Этой тройке была передана вся полнота политической и военной власти в Сибири. Военное подавление мятежа началось. Было бы не верным считать, что против повстанцев сражались только части Красной Армии, отряды рабочих, курсанты. В Пановском уезде был создан крестьянский отряд, состоящий из коммунистов и бывших партизан из 22 деревень. Этим отрядом из 300 человек командовал крестьянин Д. С. Сизов.

Восстание забилося в железных тисках рабоче-крестьянской диктатуры. Стороннему наблюдателю могло казаться, что восставшие одерживают еще победы, но это было не так. 16 февраля части Красной армии освободили Петропавловск, 18 февраля разбили голышмановскую группировку в районе железной дороги, соединявшей Сибирь с

Центральной Россией, 20 февраля повстанцам удалось взять Тобольск, который был потерян ими 8 апреля. Мятежные отряды метались под ударами Красной армии, нанося в свою очередь поражения численно более мелким гарнизонам Советской власти. Под ударами мятежников 1 апреля защитники Обдорска ушли в тундру. Понимая, что их ожидает неотвратимая гибель, они телеграфировали В.И. Ленину: “Держаться нет сил. Отступаем. Наш прощальный привет Ильичу”.

Когда в одно из сел Макушинской волости ворвалась банда, то в помещении исполкома были уничтожены все портреты вождей, а портрет В. И. Ленина остался не тронутым на стене. “Это наш человек. Он стоит за нас, пусть останется”, – рассуждали повстанцы.

8 марта 1921 года В. И. Ленин, делясь ли своими умозаключениями, анализируя ли Кронштадтские резолюции, говорил на 10 съезде ВКП/б/: “Свобода торговли... неминуемо приведет к белогвардейщине, к победе капитала, к его полной реставрации”.

Но Кронштадтские резолюции, раскол трехтысячной партийной организации по вопросам отношения к свободе торговли и работе в условиях многопартийности не могли пройти бесследно.

“Можно ли ... восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких землевладельцев, не подрывая самих корней политической власти пролетариата? Можно ли это? Можно, ибо вопрос в мире”, – убеждал своих сподвижников В.И. Ленин. Экономические аспекты резолюции становятся составной частью речи “О замене продразверстки продналогом”. Военный коммунизм сменяется нэпом.

Экономические решения ВКП/б/ выбили почву у эсеровской пропаганды в деревне. Под влиянием закона об амнистии, с одной стороны, и ударов Красной Армии, с другой, начинается отток крестьян из повстанческих отрядов. Теснимые Красной армией и рабочими отрядами, тающие от боевых потерь и дезертирства, повстанческие группы откатываются от населенных пунктов. Приход Красной армии и возвращение уцелевшей части коммунистов дает еще один виток братоубийственной мести. А тем временем офицерский костяк повстанцев направляется к монгольской границе... Там многие из ушедших нашли себе могилу от вспыхнувшей эпидемии сыпного тифа. Другие потом, через несколько лет, вернулись домой, и получили амнистию по случаю десятой годовщины Октябрьской революции. Прощенные рабоче-крестьянской диктатурой в 1927 году, они не

переживут “кровавой бани”, устроенной новоявленным монархом в 1937 году.

Все лето 1921 года по лесам бродили мелкие вооруженные шайки, нападавшие на сельсоветы и волисполкомы, по-прежнему убивавшие попадавших под руку коммунистов и советских работников, а также грабившие на своем пути кооперативные лавки и маслодельные заводы.

Потерпев поражение военное, крестьянство, казалось, в основной своей массе победило – экономические требования землепашцев были выполнены. Проблематичен вопрос о победе крестьян в случае прихода к власти сил, возглавивших движение. Опыт 1918 года неоднозначен. Приход эсеров и офицерства к власти явился бы началом передачи земель в собственность прежних владельцев. Эфемерными выглядят политические обещания эсеров в 1921 году. Военное руководство движением находилось в руках бывших колчаковцев. Прекратить вакханалию насилия эсеры не сумели. Если, конечно, они вообще этого желали. Организация органов управления, предпринятая повстанцами в Тобольске, Сургуте, вызывает ассоциации с периодом, предшествующим колчаковской диктатуре.

В заключении хотелось бы заметить, что осознание массой крестьян своих экономических нужд не сочеталось с пониманием необходимости какого-либо совершенствования политической надстройки, например, введением многопартийности. Выступая за Советы без коммунистов, крестьяне не сумели как-либо реагировать на уничтожение советской системы в том же Сургуте.

Впереди было семь лет передышки, трансформация ВКП /б/ в государственную структуру, изгнание Бухарина и его сподвижников из партийно-государственного руководства, коллективизация.